

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: СОЗВУЧИЯ И РАСХОЖДЕНИЯ МЕЖДУ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИМИ ПОДХОДАМИ АЛЬФРЕДА АДЛЕРА И КАРЛА РОДЖЕРСА

О.Р. БОНДАРЕНКО, У. ЛУКАН

Проведенное в данной статье сравнение индивидуальной психологии и гуманистической психологии показывает их сходство в представлении образа человека. В тексте рассматривается связь истории жизни Адлера, основателя индивидуальной психологии, и двух важнейших представителей гуманистической психологии — А. Маслоу и К. Роджерса. Можно утверждать, что в определенной степени А. Адлер был их учителем в Нью-Йорке. Обсуждаются сходства и расхождения в идеях и теоретических построениях обоих подходов, на основании конкретных высказываний, проясняется роль Адлера как предтечи движения гуманистической психологии и личностно-центрированного подхода. В заключении обсуждается проблема интеграции различных психотерапевтических школ.

Ключевые слова: Альфред Адлер, Карл Роджерс, индивидуальная психология, гуманистическая психология, личностно-центрированная психотерапия.

Сравнение гуманистической психологии, или личностно-центрированного подхода, Карла Роджерса с индивидуальной психологией Альфреда Адлера далеко не ново и уже неоднократно предпринималось различными исследователями. В первую очередь, этим вопросом активно занимался У. Эсер [Esser, 1988], однако его рассматривали и другие авторы, например А. Маслоу [Maslow, 1970], Х. Ансбахер [Ansbacher, 1971, 1990], Д. Келли и Р. Тауш [Kelly, Tausch, 1984], К. Обуховский [Obuchowski, 1988], У. О'Коннелл, Е. Гомес и Г. Гомес [O'Connell, 1991; Gomez, Gomez, O'Connell, 1994] и Р. Уоттс [Watts, 1996, 1998].

В настоящей работе предлагается продолжение дискуссии на эту тему, критический обзор существующих точек зрения и, главным образом, ее дополнение, включающее в себя некоторые аспекты, которым до сих пор уделялось недостаточно внимания.

До сих пор при сравнении личностно-центрированного подхода и индивидуальной психологии обычно рассматривались тенденция к самоактуализации и/или центральные составляющие (эмпатия, принятие и конгруэнтность) — с одной стороны, и социальная вовлеченность человека (которую А. Адлер не совсем удачно назвал «чувством общности», но, позднее, в Америке, дал ей более подходящее название, отражающее ее активный характер — «социальный интерес» («social interest»)) — с другой.

На наш взгляд, необходимо обозначить еще один аспект, который также был для А. Адлера одним из основных. Этот аспект до сих пор не упоминался в сравнительных исследованиях, хотя без него картину сопоставления нельзя назвать полной. Имеется в виду постоянно действующая внутри нас потребность в самоутверждении (в конечном итоге, в сохранении самооценки), которая, по Адлеру, свойственна всем людям и может быть удовлетворена здоровым образом только через чувство общности. При недостатке же чувства общности она принимает болезненные и асоциальные формы, что вызывает нарушения регуляции и невротические симптомы.

Большинство авторов сравнивает чувство общности с тремя основными составляющими, о которых говорится в клиентоцентрированной психотерапии К. Роджерса: чувство общности по аналогии с известной триадой (эмпатией, конгруэнтностью и безусловным принятием), понимается как основной действующий фактор в развитии личности. Однако на наш взгляд, этот тезис требует некоторых оговорок в отношении индивидуальной психологии, поскольку понятие «чувство общности» в ходе развития теории данного подхода использовалось по-разному. Это и будет прояснено далее.

Иногда «чувство общности» также сопоставляется с тенденцией к самоактуализации, однако это не совсем правомерно. Корректнее и понятнее звучало бы сравнение потребности в самоутверждении и тенденции к самоактуализации, то есть тенденций, заложенных в самой природе человека и являющихся основными для каждой из двух школ. Этот вопрос также будет подробно рассмотрен ниже.

Так или иначе, авторы всех аналитических работ на данную тему сходятся во мнении, что между двумя школами есть не просто точки соприкосновения, а явные сходства. Они состоят, прежде всего, в том, что

оба подхода ставят акцент преимущественно не на нарушения, а на присущие человеку позитивные творческие силы, благодаря которым он рассматривается как существо, создающее самого себя, имеющее определенную точку зрения, а не просто реагирующее на внешние воздействия. С этим связано также то, что и А. Адлер, и К. Роджерс придерживаются позиций, близких к экзистенциализму, и рассматривают человека в его неповторимости и цельности (А. Адлер выбрал понятие «индивидуальная психология», чтобы подчеркнуть неделимость, а не указать на то, что речь идет об отдельном человеке; последнее противоречило бы его основной идее).

По мнению авторов, проводящих сопоставление данных подходов, благодаря сходствам между двумя школами, А. Адлера следует рассматривать как представителя так называемой «Третьей силы» и предшественника гуманистической психологии.

В качестве различия между личностно-центрированным подходом и индивидуальной психологией некоторые из них, в особенности, У. Эссер [Esser, 1988] указывают на то, что самоактуализация у К. Роджерса предполагает в большей степени улучшение отношения человека к себе самому, а «чувстве общности» у А. Адлера, напротив, приводит к необходимости реалистичного определения своего места в общественной жизни. Кроме того, У. Эссер считает, что К. Роджерс, выводя на передний план самоактуализацию, отражает безграничный эгоизм американского общества, в то время как идеал человека по А. Адлеру, в соответствии с которым здоровый человек должен воспринимать себя как часть социального целого, представляет собой слепок социалистического общества. Такому обществу А. Адлер вероятно чувствовал себя обязанным (известно, что он играл важную роль во времена «Красной Вены» 20-х годов — во время правления в Вене социал-демократов — и имел тесные контакты с диссидентами русской революции, например, Троцким). Однако такое противопоставление кажется нам неудачным.

Сутью любого психотерапевтического подхода является теория о здоровом развитии и основных его действующих силах — природных и происходящих из окружающей социальной среды, — а уже из этой теории выводятся представления о тех специальных терапевтических вмешательствах, которые необходимо осуществлять в случае, если здоровое развитие под влиянием окружающей среды претерпело какие-либо деформации.

Таким образом, характеристика психотерапевтического подхода должна исходить, во-первых, исходя из того, каковы представления о действующие факторах при здоровом развитии (в личностно-центриро-

ванном подходе — это самоактуализация, в индивидуальной психологии — это тенденция к самоутверждению, в психоанализе — развитие влечений и т.п.) и, во-вторых, — из того, за счет чего осуществляется терапевтическое воздействие на возникшие в процессе развития деформации (за счет специфических отношений между терапевтом и клиентом, укрепления чувства общности или благодаря тому, что неосознанные конфликты влечений делаются осознанными и т.д.). Сравнение является корректным только тогда, когда сопоставляются сами модели развития или соотносимые друг с другом понятия, характерные для каждой школы. В данном же случае выбранные категории — тенденция к самоактуализации и чувство общности — занимают разные места в психотерапевтической модели.

При корректном же сравнении различия между этими подходами не так очевидны. Вывод из этого неудачного сравнения также недостаточно убедителен: «Полноценно функционирующая личность» ("fully functioning person") обладает соответствующим реальности социальным сознанием, так же, как человек с высокоразвитым адекватным чувством общности занимается реализацией собственных потенциалов.

В представлениях о развитии также как и в теории, описывающей терапевтическое воздействие, основное внимание действительно направлено на самоотношение (в личностно-центрированной терапии), и на социальную отнесенность (в индивидуальной психологии). Тем не менее, если обратиться к самой терапевтической реальности, то самоактуализацию и социальное сознание не следует рассматривать как противоположности. Напротив, можно сказать, что они в определенном смысле обуславливают друг друга: чем яснее и дифференцированнее самоотношение, тем более выражено социальное сознание, и наоборот. Без соотношения себя с другими не может развиться адекватное отношение к себе, а без адекватного самоотношения всякая социальная отнесенность смещается в сторону зависимостей или стремления к власти.

Также в качестве сходства У. Эссер [Esser, 1988] называет то, что и в индивидуальной психологии, и в личностно-центрированном подходе поддерживаются скорее рабочие отношения, чем отношения, основанные на переносе. Однако такое утверждение позволяет лишь провести грань между психоанализом и всеми другими видами психотерапии, само же понятие «рабочие отношения» недостаточно полно отражает суть терапии в личностно-центрированном подходе и индивидуальной психологии. Кроме того, в индивидуальной психологии нет единой точки зрения относительно того, должен ли психотерапевт предоставлять себя клиенту как реальное лицо, или следует придерживаться позиции

сдержанности и избирательного раскрытия собственных чувств, чтобы создавать возможность для развития отношений, основанных на переносе, и затем толковать их. (К этой проблеме индивидуальной психологии мы подробнее вернемся в конце статьи).

В указанных сравнительных исследованиях также содержится утверждение, что, в отличие от личностно-центрированной терапии, за которой не закреплена какая-либо определенная тема (что можно рассматривать как ее достоинство и как недостаток), индивидуальная психология фокусируется на теме власти. Распространенно упрощение, согласно которому власть в подходе Адлера играет ту же роль, что детская сексуальность в психоанализе Фрейда. Если и проводить такое сопоставление, то можно сказать, что эта аналогия характеризует А. Адлера только на «раннем» этапе его работы, однако и тогда он уже рассматривал стремление к власти не как влечение, а как компенсаторное стремление, вызванное практически неизбежным комплексом неполноценности у ребенка. В своих работах, предшествовавших книге «О нервном характере» [Adler, 1912], он придавал этому стремлению решающее значение для психического развития и практического устройства жизни. Однако в итоге А. Адлер поставил в центр своего представления о человеке вовсе не влечение, будь то сексуальность или стремление к власти. По его мнению, инстинктивные импульсы никогда не управляют непосредственно нашим поведением. Им управляет только творческая реализация импульсов. Таким образом А. Адлер делает акцент на постоянно действующем в нас механизме регуляции, который выступает посредником между инстинктивными импульсами и обществом, в котором человек должен найти для себя место. Этот механизм регуляции и создает равновесие между этими реальностями. Чем яснее развиваются социальные связи и чем более дифференцированными они становятся, тем лучше работает эта регуляция, которую следует в первую очередь понимать как укрепление самооценки. И наоборот: при нарушениях в социальной сфере, самооценка становится предвзятой, что нарушает отнесенность к реальности и приводит к возникновению невротических симптомов.

А. Адлер был первым, кто постулировал этот принцип регуляции, в противоположность биологической парадигме «инстинкт-конфликт-защита» З. Фрейда. Однако открытое или скрытое стремление к власти является в индивидуальной психологии всего лишь интересным симптомом, фиксацией на еще незрелом отдельном аспекте самоутверждения, необходимой для того, чтобы компенсировать недостаточную социальную компетентность.

Неуточненное же до сих пор сходство между гуманистической психологией и индивидуальной психологией связано также с теми общественными изменениями, на фоне которых развивались эти школы. В первом случае это настроение перелома в США, связанное с New Deal — «Новым Курсом» президента Ф.Д. Рузвельта: увеличением роли общественности в принятии новых законов, социальными программами и демократизацией после экономического кризиса. В это время возникло новое понимание того, как могут решаться общественные проблемы. Новое гуманистическое движение родилось на волне стремления создать что-то в противовес господству существующих детерминистских образов человека, созданных психоанализом и бихевиоризмом. Похожим образом возникла и индивидуальная психология. А. Адлер никогда по-настоящему не разделял взгляды Фрейда на влечения, в которых значительную роль играла сексуальность; он все чаще противоречил З. Фрейду и после неизбежно последовавшего выхода из Венского психоаналитического общества основал «Общество свободных психоаналитических исследований». Рождение его подхода также происходило на фоне общественных изменений. Вена была в то время городом активных перемен. С одной стороны, атмосфера в Вене характеризовалась упадком буржуазии, к которой был близок З. Фрейд, со своей пессимистичным взглядом на человека, в соответствии с которым он оказывается управляем влечениями и не может стать хозяином самому себе. С другой стороны, это время характеризовалось усилением демократических сил, к которым относился и А. Адлер. Этому новому движению была свойственна оптимистичная вера в то, что существенный общественный прогресс возможен. Вена стала образцом для всего мира в области строительства, здравоохранения, образования. Немалую роль сыграл в этом и сам А. Адлер, создавший сеть из примерно 30 консультативных центров.

Итак, в обоих направлениях содержалось стремление к освобождению от господствовавших настроений, воспринимавшихся как устаревшие, и оптимистичный взгляд на новый, лучший мир. Кроме того, оба подхода, как уже упоминалось, были ориентированы не на нарушения, а на ресурсы, благодаря которым становится возможным развитие.

Однако здесь можно выделить два аспекта, различных, но, в то же время, дополняющих друг друга. В личностно-центрированном подходе подчеркивается сама возможность роста, в то время как индивидуальная психология обращает больше внимания на направление процессов изменения. Исходя из того, что в живой природе не бывает застоя, всегда можно наблюдать тот или иной род «психического движения», в котором находится человек. Иногда это движение представляет собой

стремление к фикциям, несовместимым с истинными целями жизни. В определенном смысле понятие «рост» противопоставляется понятию «род движения». Таким образом, можно говорить о различных фокусах внимания к обсуждаемому в терапии содержанию: в личностно-центрированной терапии большее значение имеет «здесь и сейчас», а в индивидуальной психологии, напротив, более важна жизненная история понимания клиентом той или иной личной проблемы и связанные с ней истинные или фиктивные цели.

Далее мы рассмотрим некоторые исторические факты, касающиеся конкретных личностей; эти факты указывают на связь и даже переплетение индивидуальной и гуманистической психологии и важны для более полного понимания соотношения этих двух подходов. Выдающиеся деятели гуманистической психологии, Абрахам Маслоу и Карл Роджерс имели тесные контакты с индивидуальной психологией и самим Альфредом Адлером. В этом смысле А. Адлера следует рассматривать не просто как предшественника гуманистической психологии, но как значимую фигуру, которая во многих отношениях непосредственно повлияла на основателей этого направления в то время, когда они еще не сформулировали своей теоретической позиции.

Необходимо вспомнить о том, что А. Адлер в последний период своего творчества, сначала часто, а потом постоянно работал в Нью-Йорке, был там профессором медицинской психологии в колледже Лонг-Айленда и, конечно же, читал лекции и активно занимался практической деятельностью. Когда А. Адлер в возрасте примерно 60 лет занял свое место в профессиональном сообществе Нью-Йорка, А. Маслоу и К. Роджерсу было немногим более 20 лет.

Точные сведения о взаимодействии А. Маслоу с А. Адлером можно найти в биографии А. Маслоу, написанной Е. Хофманном [Hoffmann, 1988] при участии жены знаменитого психолога — Берты Маслоу. В этой книге А. Адлер назван одним из важнейших духовных наставников А. Маслоу, и обращается внимание на то, что именно идеи А. Адлера об основных положительных духовных силах человека оказали большое влияние на те представления А. Маслоу, которые стали основой его концепции самоактуализации. А. Маслоу, уже будучи студентом, очень интересовался идеями А. Адлера, его диссертация также была посвящена теориям А. Адлера и Г. Харлоу — второго учителя А. Маслоу.

А. Адлер проводил по пятницам неформальный вечерний семинар в отеле «Грамерси Парк», где сам жил, Маслоу же был их постоянным участником и нередко уговаривал друзей прийти и познакомиться с этим «блистательным человеком», как он называл А. Адлера.

Когда А. Маслоу начал говорить о «Третьей силе», которая позже стала гуманистической психологией, то среди групп психологов, которые, по его мнению, следовало бы отнести к новому направлению, он в первую очередь называл адлерianцев, а журнал по индивидуальной психологии — изданием, значимым для нового движения.

По приглашению А. Маслоу представитель индивидуальной психологии Х. Ансбахер стал одним из членов-учредителей объединения гуманистической психологии. Проведя детальный анализ высказываний А. Адлера и А. Маслоу, касающихся описания личности, он пришел к выводу, что различия по большей части состоят только в формулировках [Ansbacher, 1971]. Так, «гармония со вселенной» соответствует «океаническому чувству», «чувствовать себя в жизни как дома» — «хорошему отношению с реальностью», а «чувство общности» или «межличностная связь» — «межличностным отношениям».

Во время празднования столетнего юбилея А. Адлера в 1970 году А. Маслоу, которому тогда было 62 года, сказал следующее: «С каждым годом я все больше убеждаюсь в правоте Альфреда Адлера. По мере накопления фактов его образ человека получает все более серьезное подтверждение. Думаю, в одном аспекте он особенно опередил свое время. Я имею в виду его холистический подход» [Maslow, 1970].

К. Роджерс был более сдержан в описании своей встречи с А. Адлером. В 1927—28 годах К. Роджерс был интерном в Институте по оказанию помощи трудным детям (Institute for Child Guidance) в Нью-Йорке, и работал там над своей диссертацией, для которой адаптировал и разрабатывал различные тесты для детей.

Хотя основная теоретическая и практическая направленность Института была психоаналитической, в нем развивались и другие подходы. В частности, А. Адлер читал там лекции и демонстрировал свои терапевтические занятия для детей. Традиционная работа в Институте требовала больших анамнезов и проведения множества тестов. Известно высказывание К. Роджерса о его первых впечатлениях от занятий, проводимых А. Адлером: «Например, нам читал лекции Альфред Адлер и шокировал всех сотрудников мыслью о том, что в подробной истории болезни нет необходимости. Я помню, как подумал, насколько же он заблуждается, ведь нам постоянно приходилось иметь дело с историями болезни объемом по 50—70 страниц». [Rogers, 1967]. При этом К. Роджерс не упоминает, насколько эта установка на самом деле оказалась близка его собственной, к тому времени уже четко сформировавшейся точке зрения, в соответствии с которой и он искал непосредственных отношений с клиентами и скептически относился к тестам и диагнозам.

К. Роджерс дополнил это высказывание, признав, что А. Адлер значительно повлиял на него всего за пару недель до своей смерти 4 февраля 1987 года. К празднованию 35-летнего юбилея Института Альфреда Адлера в Чикаго К. он написал поздравительное письмо, датированное 19 января 1987 года, которое затем было напечатано в программе празднования, назначенного на 8 февраля. В нем он кратко, но все же несколько подробнее, чем раньше, описывает свою встречу с приглашенным профессором А. Адлером во время своего обучения в Институте: «Я имел честь встретиться с д-ром Альфредом Адлером, слушать и наблюдать его. Это было зимой 1927-1928 годов, когда я был интерном в новом Институте по оказанию помощи трудным детям в Нью-Йорке. (Институт развалился в период Великой депрессии). Поскольку я привык к достаточно строгому фрейдистскому подходу в Институте и семидесяти пяти страничным историям болезни, и подробнейшим тестам, без которых нельзя было даже подумать о том, чтобы «лечить» ребенка — я был шокирован очень прямой и кажущейся простой манерой д-ра Адлера сразу же устанавливать отношения с ребенком и родителем. Мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, как многому я у него научился» [Ansbacher, 1990].

Это высказывание допускает различные интерпретации того, как К. Роджерс относился к А. Адлеру. Также возникает вопрос, почему потребовалось так много времени, чтобы К. Роджерс упомянул об этом. Эти слова могли быть сказаны лишь из вежливости и не иметь особого значения, однако есть основания предполагать, что речь здесь шла о чем-то вроде позднего признания К. Роджерсом того истинного значения, которое А. Адлер имел для него. В пользу этого предположения, на наш взгляд, могут говорить несколько фактов.

В 1928 году, то есть во время рабочих контактов между А. Адлером и К. Роджерсом, А. Адлер писал о чувстве общности (позже — «social interest»), как о необходимой, с его точки зрения, установке терапевта (и, конечно, что-то подобное он часто упоминал и в беседах с учениками): «Чувство общности мы понимаем иначе, чем другие авторы. Когда мы говорим, что это чувство, мы, конечно, имеем на это право. Но это больше чем чувство, это форма жизни... Я не могу дать ему совершенно однозначное определение, но у одного английского автора я нашел высказывание, которое точно выражает то, чем мы могли бы дополнить наше объяснение: «видеть глазами другого, слышать ушами другого, чувствовать сердцем другого». Мне кажется, что пока это допустимое определение того, что мы называем чувством общности... Индивидуальная психология может считать своим открытием то, что почувствова-

ние и понимание выделены как факты чувства общности» [Adler, 1928; Ansbacher & Ansbacher, 1972].

Сходство этого высказывания с тем, что К. Роджерс позже описывает как свое понимание столь важной для него эмпатии, настолько бросается в глаза, что даже отдельное указание на это излишне. Приблизительно то же наблюдается и в отношении конгруэнтности, или подлинности, и принятия, которое у А. Адлера скорее понимается как «предоставление свободы», чем как «уважение» (это, вероятно, соответствует его общему скептическому отношению ко всему, что может «избаловать»).

Конечно, нахождение соответствий между представлениями А. Адлера и тремя наиболее важными выводами К. Роджерса — тремя условиями терапии, — возможны только постфактум. Но можно предположить, что настолько близкие самому К. Роджерсу идеи не могли остаться им не замеченными. Основные условия терапии представляются, таким образом, как необходимая конкретизация и структурирование описания таких терапевтических отношений, которые у А. Адлера были описаны еще не так конкретно. (Здесь мы не приводим цитаты из К. Роджерса, в которых он, напротив, противопоставляет свою позицию взглядам А. Адлера, поскольку предполагаем, что эта точка зрения и высказывания на эту тему достаточно хорошо известны читателям.)

А. Адлер, в отличие от З. Фрейда, все время подчеркивал, что проблемы людей коренятся не во внутренних конфликтах, а в социальной динамике, то есть имеют межличностную природу, и что получение опыта чувства общности в отношениях с терапевтом дает пациенту возможность развиваться и изменять что-то и в отношении к своим психологическим страданиям. Однако, представление о том, как именно это должно происходить, у А. Адлера остается неясным. Причиной этому можно считать недостаточную определенность самого понятия «чувства общности» и в некотором логическом круге, который можно найти в рассуждениях «раннего» А. Адлера. Вначале он утверждает, что тенденция к самоактуализации и чувство общности заложены в человеке, и в то же время — чувство общности должно выстраиваться с помощью опыта, и имеет «кристаллический характер».

Но если чувство общности врожденно и рассматривается как действующая сила в терапии, то возникает круг: врожденная, но получившая неверное направление тенденция к самоактуализации должна быть излечена с помощью также врожденного чувства общности. В этом случае остается неясной роль того опыта, который человек получает в процессе психотерапии: каждая проблема могла бы быть вылечена сама собой благо-

даря существующему с рождения чувству общности у самого клиента и у других людей. Возможно, примерно так могла бы выглядеть «утопия» А. Адлера: благодаря просвещению и образованию могло бы развиваться общество, в котором с любым страданием и с несправедливостью, пережитыми в ходе развития человека, можно было бы бороться не только с помощью терапевтического воздействия в тех или иных учреждениях, но и с помощью социального чувства, присущего всему обществу. «Чувство общности означает: чувствовать в целостности 'sub specie aeternitatis'¹, стремиться к форме единения, которое должно быть задумано навечно, как оно могло бы быть задумано, если бы человечество достигло цели совершенства... цели, которая означает идеальную общность во всем человечестве, последнее осуществление эволюции» [Adler, 1933].

Однако А. Адлер все-таки изменил свою точку зрения на происхождение чувства общности — решающего фактора для успеха индивидуальной жизни и всего общества — приблизительно в 1928 году, признавая в «Проблемах невроза»: «Чувство общности не врожденное, а есть только врожденная возможность, которую нужно развить сознательно. Мы не можем полагаться на какой-то так называемый социальный «инстинкт» [Adler, 1981]. Таким образом, если сначала он обозначал этим понятием врожденную социальную отнесенность человека (аспект, который потом более точно эксплицировался в исследовании привязанностей) и позитивную силу, которая делает человека открытым к потребностям общества, то позже он использовал это понятие для обозначения специального и осознанного формирования подхода к людям и выстраивания терапевтических отношений. Путь к пониманию чувства общности как компетенции, которой необходимо обучиться, и как определяющему фактору терапии, в его теории достаточно долог и не совсем ясен, однако, как можно видеть сейчас, изменение в понимании этой ключевой категории имело решающее значение.

Ведь именно К. Роджерс сделал подобный шаг, сформулировав основные условия терапии, однако исходным пунктом можно, на наш взгляд, считать теорию А. Адлера, с которой молодой Роджерс, конечно, был хорошо знаком.

Чтобы избежать неправильного понимания, нужно отметить, что наша попытка сделать акцент на идее происхождения корней гуманистической психологии и личностно-центрированного подхода в индивидуальной психологии А. Адлера ни в коем случае не умаляет значения самих А. Маслоу и К. Роджерса. Мы хотели лишь подчеркнуть, что новые концепции

---

¹ лат.: «Под видом вечности, под формой вечности»; с точки зрения вечности.

человека — если проследить их историю — возникают не изолированно, но всегда опираются на идеи, созданные ранее. В историческом контексте мы видим некоторые предпосылки, которые представляются нам особенно важными для возникновения гуманистической психологии и личностно-центрированного подхода: изменение общественного мышления, влияние таких подходов, как феноменология и экзистенциализм, а также повсеместную критику существовавших и господствовавших в то время моделей личности. Однако кроме этих условий важно отметить и личную роль тех, кто проложил путь к новой психологии. На наш взгляд, такой важнейшей фигурой был А. Адлер. Как мы пытались продемонстрировать, базовые элементы, которые легли в основу представления о человеке и ключевых идей гуманистической психологии еще за 30 лет до возникновения личностно-центрированного подхода были сформулированы в индивидуальной психологии А. Адлера и применялись в терапии.

В заключение целесообразно отметить, что индивидуальная психология, какой ее создал А. Адлер, то есть не включающая в себя тех многочисленных уточнений и акцентов, которые были добавлены его последователями (при возрождении индивидуальной психологии в Европе, после Второй мировой войны, в 60-е годы), в общем, является моделью, наиболее удобно совместимой с моделями различных других школ психотерапии и существующими в них образами человека.

Так, помимо подробно рассмотренных здесь сходств с формами гуманистической терапии, можно отметить сходства с семейной терапией, или системным подходом (А. Адлер, как известно, придавал большое значение состоянию семьи и был первым, кто работал с целыми семьями, в том числе и в лекционных залах; многое из того, что он говорил, можно теперь встретить в литературе по семейной терапии). Также можно видеть сходства с поведенческой терапией, особенно с новым когнитивно-поведенческим взглядом (А. Адлер придает аспекту тренировки новых форм поведения, после анализа и проработки лежащих за ними установок, большое значение для успешности терапии). Однако чаще всего указывается на связь индивидуальной психологии с психоанализом. Эти сходства с другими подходами создают основания для длительной дискуссии об идентичности, которая не прекращается в индивидуальной психологии по сей день. Участники этой дискуссии уже настолько привыкли к ней, что она уже не ставит их в состояние кризиса идентичности, хотя линии излома между индивидуальной психологией, существующей в США и возродившейся в Европе, очень заметны; подобные дискуссии ведутся и в самой Европе: прежде всего, в Германии и Австрии. Вопрос о том, насколько близок А. Адлер к З. Фрейду,

рассматривается очень по-разному и получает разные ответы в зависимости от того, какие исторические периоды кладутся в основу анализа. Вопрос же о том, насколько тот А. Адлер, который отделился от Фрейда, в своих конкретных высказываниях важен для сформировавшегося позже движения гуманистической психологии, остается еще не достаточно раскрытым не только в гуманистической, но и в индивидуальной психологии. Преемственность, которую мы пытались показать в данной статье, до сих пор оставалась почти незамеченной, хотя она, на наш взгляд, заслуживает широкого осознания. Этот вопрос важен особенно в связи со все более распространяющимися стремлениями к интеграции различных психотерапевтических школ; прозрачность границ между подходами приводит к открытию новых и совершенно непривычных перспектив.

Возможно, мы находимся на пути к предсказанной К. Граве [Grawe, 1994] «Общей психотерапии», которая будет объединять различные школы. Это представляется разумным потому, что различные образы человека и концепции процессов изменения, в конечном итоге, представляют собой, на наш взгляд, просто вынужденную меру, пока мы не можем придумать ничего лучшего (ведь нет никаких существенных различий между людьми в отношении тенденций к самоактуализации, стремления к самоутверждению, бессознательного и т.д.). Если удастся достичь такого общего понимания страданий клиента и возможных изменений его состояния, которое будет открытым и не ограниченным концепцией одной школы, это может привести к появлению единообразного и всеохватывающего психотерапевтического подхода. Но многие психотерапевты считают признаком и гарантией качества сохранение четких границ и характерных черт различных подходов. Образно выражаясь, они полагают, что хлеб лучше покупать в булочной, мясо — в мясной лавке, а овощи — у торговца овощами; качество товара будет лучше, чем если все продукты вместе покупать в супермаркете или в магазинчике на заправке. Последствия потери характерных черт различных подходов и связанных с ними идентификаций терапевтов и клиентов трудно предсказать. В любом случае, пока «общая психотерапия» представляет собой скорее утопию, чем реалистичную цель, ее предпосылкой является интенсивная и уважительная полемика между различными школами, которая не должна привести к необдуманной эклектике. Однако независимо от этого, большее знакомство психотерапевтических школ друг с другом является актуальным и своевременным, и можно ожидать, что оно поспособствует если и не появлению «общей психотерапии», то положительному развитию психотерапии в целом. Хочется надеяться, что данная статья будет вкладом в это развитие.

ЛИТЕРАТУРА

- Adler A. 1912. *Über den nervösen Charakter. Grundzüge einer vergleichenden Individual-Psychologie und Psychotherapie*. Wiesbaden: Bergmann.
- Adler A. 1927. Individualpsychologie und Wissenschaft. *Internationale Zeitschrift für Individualpsychologie*, 5, S. 401—408.
- Adler A. 1928. Kurze Bemerkungen über Vernunft, Intelligenz und Schwachsinn. *Internationale Zeitschrift für Individualpsychologie*, 6, S. 267—272.
- Adler A. 1929a. Individualpsychologie in der Schule. Vorlesungen für Lehrer und Erzieher. Leipzig: Hirzel.
- Adler A. 1929b. Problems of Neurosis. *A Book of Case-Histories*. London: Kegan Paul, Trench Truebner & Co.
- Adler A. 1931. *What Life Should Mean to You*. Boston: Little, Brown & Co.
- Adler A. 1933. Über den Ursprung des Strebens nach Überlegenheit und des Gemeinschaftsgefühls. *Internationale Zeitschrift für Individualpsychologie*, 11, S. 257—263.
- Adler A. 1980. *Der Sinn des Lebens*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag.
- Adler A. 1981. *Neurosen. Fallgeschichten*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag.
- Ansbacher H.L. 1971. Alfred Adler and humanistic psychology. *Journal of Humanistic Psychology*, 11, S. 53—63.
- Ansbacher H.L. 1990. Alfred Adler's influence on the three leading cofounders of Humanistic Psychology. *Journal of Humanistic Psychology*, 30, S. 45—53.
- Ansbacher H.L. & Ansbacher R.R. 1972. *Alfred Adlers Individualpsychologie*. Munchen: Ernst Reinhardt.
- Esser U. Rogers und Adler. 1980. *Überlegungen zur Abgrenzung und zur Integration*. Heidelberg: Asanger.
- Gomez E.A.; Gomez G.E. & O'Connell W.E. 1994 Adler, Natural High, and Other Humanistic Psychotherapies. *Individual Psychology*, 50, S. 288—296.
- Grawe K.; Donati E. & Bernauer F. 1994. Psychotherapie im Wandel. *Von der Konfession zur Profession*. Göttingen: Hogrefe.
- Hoffmann E. 1988. *The right to be human: a biography of Abraham Maslow*. Los Angeles: Tarcher.
- Kelly D.F. & Tausch R. 1984. Diskussion: Individualpsychologie und Gesprächstherapie. Adler und Rogers — A Comparative View. In *T. Reinelt; Z. Otolara & H. Kappus (Hrsg.), Die Begegnung der Individualpsychologie mit anderen Therapieformen*. München: Reinhardt, S. 107—117
- Kirschenbaum H. 1979. *On Becoming Carl Rogers*. New York: Delacorte.
- Maslow A.H. 1970. Tribute to Alfred Adler. *Journal of Individual Psychology*, 26, 13.
- Obuchowski K. 1988 Alfred Adler: Precursor of Humanistic Psychology. *Individual Psychology*, 44, S. 263—269.
- O'Connell W.E. 1991. Humanistic Identification: A New Translation for Gemeinschaftsgefühl. *Individual Psychology*, 47, S. 26—27.

- Rogers C.R. 1967. Autobiography. In E.W. Boring & G. Lindsey (Eds.), *A history of psychology in biography*, Vol. 5, New York: Appleton-Century-Crofts, S 343—384.
- Watts R.E. 1996. Social Interest and the Core Conditions: Could It Be That Adler Influenced Rogers? *Journal of Humanistic Education and Development*, 34, S. 165—170.
- Watts R.E. 1998. The Remarkable Parallel Between Roger's Core Conditions and Adler's Social Interest. *The Journal of Individual Psychology*, 54, S. 4—9.

INDIVIDUAL PSYCHOLOGY AND HUMANISTIC PSYCHOLOGY. CONVERGENCES AND DIVERGENCES BETWEEN THERAPEUTIC APPROACHES OF ALFRED ADLER AND CARL ROGERS

O.R. BONDARENKO, U. LUKAN

In various comparisons between Individual Psychology and Humanistic Psychology similarities in the concept of man are seen. Furthermore the connections in the life history between Adler, the founder of Individual Psychology, and Maslow and Rogers, the two most important persons in Humanistic Psychology are shown here; Adler even was their teacher in New York in a certain extent. Theoretical convergences and divergences between the both edifices of ideas are reviewed and on the basis of concrete statements Adler's role as a guiding intellectual force of the movement of Humanistic Psychology and Person-centered Approach is pointed out. Finally the growing discussion about efforts for integration between the different therapeutic approaches will be examined.

Keywords: Alfred Adler, Carl Rogers, Individual Psychology, Humanistic Psychology, Person-centered Psychotherapy.

- Adler A. 1912. *Über den nervösen Charakter. Grundzüge einer vergleichenden Individual-Psychologie und Psychotherapie*. Wiesbaden: Bergmann.
- Adler A. 1927. Individualpsychologie und Wissenschaft. *Internationale Zeitschrift für Individualpsychologie*, 5, S. 401—408.
- Adler A. 1928. Kurze Bemerkungen über Vernunft, Intelligenz und Schwachsinn. *Internationale Zeitschrift für Individualpsychologie*, 6, S. 267—272.
- Adler A. 1929a. Individualpsychologie in der Schule. Vorlesungen für Lehrer und Erzieher. Leipzig: Hirzel.
- Adler A. 1929b. Problems of Neurosis. *A Book of Case-Histories*. London: Kegan Paul, Trench Truebner & Co.
- Adler A. 1931. *What Life Should Mean to You*. Boston: Little, Brown & Co.

- Adler A. 1933. Über den Ursprung des Strebens nach Überlegenheit und des Gemeinschaftsgefühls. *Internationale Zeitschrift für Individualpsychologie*, 11, S. 257—263.
- Adler A. 1980. *Der Sinn des Lebens*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag.
- Adler A. 1981. *Neurosen. Fallgeschichten*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag.
- Ansbacher H.L. 1971. Alfred Adler and humanistic psychology. *Journal of Humanistic Psychology*, 11, S. 53—63.
- Ansbacher H.L. 1990. Alfred Adler's influence on the three leading cofounders of Humanistic Psychology. *Journal of Humanistic Psychology*, 30, S. 45—53.
- Ansbacher H.L. & Ansbacher R.R. 1972. *Alfred Adlers Individualpsychologie*. München: Ernst Reinhardt.
- Esser U. Rogers und Adler. 1980. *Überlegungen zur Abgrenzung und zur Integration*. Heidelberg: Asanger.
- Gomez E.A.; Gomez G.E. & O'Connell W.E. 1994 Adler, Natural High, and Other Humanistic Psychotherapies. *Individual Psychology*, 50, S. 288—296.
- Grawe K.; Donati E. & Bernauer F. 1994. Psychotherapie im Wandel. *Von der Konfession zur Profession*. Göttingen: Hogrefe.
- Hoffmann E. 1988. *The right to be human: a biography of Abraham Maslow*. Los Angeles: Tarcher.
- Kelly D.F. & Tausch R. 1984. Diskussion: Individualpsychologie und Gesprächstherapie. Adler und Rogers — A Comparative View. In T. Reinelt; Z. Otalora & H. Kappus (Hrsg.), *Die Begegnung der Individualpsychologie mit anderen Therapieformen*. München: Reinhardt, S. 107—117
- Kirschenbaum H. 1979. *On Becoming Carl Rogers*. New York: Delacorte.
- Maslow A.H. 1970. Tribute to Alfred Adler. *Journal of Individual Psychology*, 26, 13.
- Obuchowski K. 1988 Alfred Adler: Precursor of Humanistic Psychology. *Individual Psychology*, 44, S. 263—269.
- O'Connell W.E. 1991. Humanistic Identification: A New Translation for Gemeinschaftsgefühl. *Individual Psychology*, 47, S. 26—27.
- Rogers C.R. 1967. Autobiography. In E.W. Boring & G. Lindsey (Eds.), *A history of psychology in biography*, Vol. 5, New York: Appleton-Century-Crofts, S 343—384.
- Watts R.E. 1996. Social Interest and the Core Conditions: Could It Be That Adler Influenced Rogers? *Journal of Humanistic Education and Development*, 34, S. 165—170.
- Watts R.E. 1998. The Remarkable Parallel Between Roger's Core Conditions and Adler's Social Interest. *The Journal of Individual Psychology*, 54, S. 4—9.